

КРЕМЛЬ И ПОЛИТИКА ЮГОСЛАВИИ В ГОДЫ СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКОГО КОНФЛИКТА. 1948–1953 ГГ.

Анатолий Семёнович Аникеев —

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: tolya.anikeeff@gmail.com

Аннотация

В статье на обширном материале российских архивов анализируется проблема восприятия советским руководством внутренней и внешней политики Югославии в годы советско-югославского конфликта, возникшего в 1948 г. Показано, как складывались отношения между странами в первые послевоенные годы, какие требования предъявлялись к Коммунистической партии Югославии (КПЮ) со стороны Кремля: верность марксистской теории, идее интернационализма, всесторонняя поддержка лозунга единства всех стран «народной демократии» во главе с СССР. Проанализированы процесс постепенной переориентации руководства КПЮ в сторону приоритета национальных интересов и реакция Москвы, обвинившей югославскую компартию в ревизионизме и национализме. Исследуется характер противоречий между двумя коммунистическими партиями в контексте геополитической стратегии СССР того времени и региональной политики Югославии. Отказ Тито и его соратников признать обвинения Кремля заложил основу для поиска собственной «аутентичной» модели социализма, основанной на «истинной» марксистской теории, свободной от искажений сталинизма. Постепенное формирование и эволюция югославской модели, введение рабочего самоуправления, реформы в экономике и социальной сфере, произошедшие в начале 1950-х гг., стали объектом пристального внимания и тотальной критики со стороны советского руководства. Москва внимательно следила и за внешней политикой Югославии, главным приоритетом которой в то время было сохранение любыми способами независимости страны. Сближение Югославии с США и другими странами Запада вызывало особую обеспокоенность и раздражение Кремля, считавшего, что это будет способствовать укреплению НАТО в регионе и ослаблению позиций советского блока. Советский опыт строительства социализма стал рассматриваться югославским руководством как государственно-бюрократический капитализм.

Ключевые слова:

СССР, Югославия, советский блок, Тито, Сталин, советско-югославский конфликт, политика неприсоединения, рабочие советы

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2020 г.

Цитирование: *Аникеев А.С.* Кремль и политика Югославии в годы советско-югославского конфликта. 1948–1953 гг. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 69–84.

THE KREMLIN AND THE POLITICS OF YUGOSLAVIA DURING THE YEARS OF THE SOVIET-YUGOSLAV CONFLICT, 1948–1953

Anatoly S. Anikeev,

Ph.D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail address: tolya.anikeeff@gmail.com

Abstract

Using extensive material from Russian archives, this article analyzes the problem of the Soviet leadership's perception of the domestic and foreign policy of Yugoslavia during the years of the Soviet-Yugoslav conflict that arose in 1948. The article shows how relations developed between the two countries in the first post-war years, and what requirements were made of the Communist Party of Yugoslavia (CPY) in the Kremlin: loyalty to Marxist theory, the idea of internationalism, and comprehensive support for the slogan of unity of all countries of "people's democracy" led by the USSR. The article examines the process of gradual orientation towards the priority of national interests that the CPY leadership undertook and the subsequent reaction of Moscow, which accused the CPY of revisionism and nationalism. The nature of the contradictions between the two communist parties is investigated in the context of the geopolitical strategy of the USSR at that time and the regional policy of Yugoslavia. The refusal of Tito and his associates to admit the Kremlin's accusations laid the foundation for the search for their own "authentic" model of socialism, based on "true" Marxist theory, free from the distortions of Stalinism, which was defined in Belgrade as state-bureaucratic capitalism. The gradual formation and evolution of the Yugoslav model, reforms in the economy and social sphere, and the introduction of worker's self-government, which took place in the early 1950s, became the object of close attention and total criticism from the Soviet leadership. Moscow closely followed the foreign policy of Yugoslavia, whose main priority at that time was to preserve the country's independence by any means. The rapprochement of Yugoslavia with the United States and other Western countries caused particular concern and irritation to the Kremlin, which believed that this would help strengthen NATO in the region and weaken the position of the Soviet bloc.

Keywords

USSR, Yugoslavia, Soviet bloc, Tito, Stalin, Soviet-Yugoslav conflict, non-aligned politics, work councils

Received 12 September 2020.

How to cite: Anikeev, A.S., 2020. Kreml' i politika Iugoslavii v gody sovetско-иugoslavского konflikta. 1948–1953 [The Kremlin and the Politics of Yugoslavia during the Years of the Soviet-Yugoslav Conflict, 1948–1953]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 3–4, pp. 69–84.

Коммунистическая партия Югославии в годы Второй мировой войны возглавила основное крыло освободительной борьбы в стране. Особенностью политики ее руководства в тот период было стремление придать антифашистской борьбе уже на начальном этапе коммунистическую ориентацию, ввести в ее практику элементы классового, радикально-революционного характера, обозначенные позднее в литературе как «левый уклон». В Москве считали, что реализация этой коммунистически артикулированной политики не только осложнит отношения СССР с западными союзниками, но в конечном счете может привести к сужению социальной базы Сопротивления как в самой стране, так и в Европе. Вместе с тем в Кремле понимали, что югославские коммунисты реализуют главную задачу, стоящую перед всеми компартиями в Европе и мире, ранее обозначенную Коминтерном, — завоевание власти — и делают это довольно успешно. Отношения Кремля с КПЮ и ее руководством на завершающем этапе войны строились в соответствии с этой установкой. Основные союзники СССР по антигитлеровской коалиции, США и Великобритания, под влиянием информации о реальных успехах югославских партизан вынуждены были идти на уступки и признание влияния коммунистов в Югославии¹.

До возникновения в 1948 г. конфликта между Коминформом и КПЮ в советских оценках политики югославской компартии уже появились элементы критики. В конце августа 1947 г., незадолго до создания Информбюро, в аналитической записке, подготовленной в Отделе внешней политики (ОВП) ЦК ВКП(б) и посвященной состоянию дел в компартиях восточно-европейских стран, в адрес югославской компартии, получившей большое число лестных характеристик, были вместе с тем высказаны некоторые замечания: говорилось об отсутствии внутрипартийной демократии, отмечалась «национальная узость» при принятии решений в области внешней политики (речь шла о неправильной позиции, занятой весной 1945 г. по вопросу о Триесте), указывалось на «существование определенных тенденций у руководителей компартии в переоценке своих достижений и стремление поставить югославскую компартию в положение своеобразной “руководящей” партии на Балканах»². «Вопрос о Триесте» относился к ситуации, возникшей в мае — июне 1945 г., когда войска югославской армии предприняли попытку, без договоренности с союзниками по коалиции, освободить этот город и его окрестности, что вызвало противостояние с британским командованием в регионе и последовавшую затем переписку между советским, британским и югославским руководством³.

¹ *Dimić L., Životić A. Napukli monolit. Jugoslavija i svet 1942-1948. Beograd: Arhipelag, 2012. S. 71-72.*

² *Восточная Европа в документах российских архивов. 1944-1953 гг.: в 2 т. / отв. ред. Г.П. Мурашко. Т. 1. 1944-1948 гг. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. С. 708.*

³ *См.: Milkić M. Tršćanska kriza u vojno-političkim odnosima Jugoslavije sa velikim silama 1943-1947. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2012. S. 65-80.*

Весной 1945 г. Й. Броза Тито, выступая в Любляне, сказал, очевидно зная от англичан о тайном советско-британском договоре октября 1944 г. о разделе сфер влияния на Балканах, что югославская компартия всегда была против такого разделения послевоенной Европы. Реакция Кремля на выступление Тито, посвященное освобождению югославской народной армией (НОАЮ) Словенского Приморья, была стремительной. Спустя три дня, 31 мая 1945 г., заместитель министра иностранных дел А.Я. Вышинский направил советскому послу в Белграде И.В. Садчикову письмо с просьбой выяснить, что имел в виду Тито, когда говорил об «оплате чужих счетов», «разменной монете» и «политике сфер влияния»⁴. 4 июня посол посетил заместителя председателя правительства Э. Карделя (Тито в это время находился в Загребе) для того, чтобы услышать официальные объяснения. Кардель заявил, что Тито имел в виду «англо-американцев и итальянцев», а под политикой сфер влияния — «политику англичан в Югославии». Он подчеркнул, что фраза о сферах влияния не относится к Советскому Союзу, но, напротив, добавил он, «формулой нашей независимости было и остается союз и опора на Советский Союз». Через несколько дней после возвращения Тито в Белград ему пришлось уже самому отчитываться перед советским дипломатом и объяснять возникшее недоумение неверной трактовкой его слов, содержащей, по его мнению, даже «нотки недоверия» к нему. Тито отметил, что не допускает мысли об отношении его высказываний к Советскому Союзу и просит передать В.М. Молотову, что он имел в виду «исключительно империалистическую политику англо-американцев»⁵. Таким образом, этот эпизод в отношениях между СССР и Югославией, когда Москва предприняла попытку «отчитать» Тито за формулировки, имеющие, с точки зрения советского руководства, некорректный и даже антисоветский характер, стал одним из первых, свидетельствующих о сохранении и продолжении коминтерновской практики в отношениях между компартиями и, в новых условиях, о распространении ее на межгосударственную сферу. Всего за месяц до этого события между двумя странами был заключен Договор о дружбе и взаимопомощи, что давало Кремлю, как там, по-видимому, считали, дополнительное право на авторитарный подход к двусторонним отношениям.

О теоретических отклонениях в КПЮ, критике его руководством советского опыта и отношения ВКП(б) к восточноевропейским компартиям передавали советским дипломатам также и их доверенные лица из ближайшего окружения Тито, такие как С. Жуйович. Всё это указывало, как полагали в Кремле, на постепенную трансформацию взглядов югославского руководства в сторону приоритета национальных интересов в ущерб общим интересам социалистического лагеря, заключавшимся в необходимости консо-

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1343. Л. 131.

⁵ Там же. Л. 134, 139–140.

лидации перед лицом западного империализма. Национализм неизбежно должен был, по мысли советских теоретиков, привести Тито и его партию к отказу от единой скоординированной политики, проводимой странами советского блока во главе с СССР, и сблизить Югославию с капиталистическим миром. В резолюции Коминформа, принятой в Бухаресте в июне 1948 г., утверждалось, что югославское руководство считает, что «путем ряда уступок империалистическим государствам» оно сможет приобрести их расположение, «договориться с ними о независимости Югославии и постепенно привить югославским народам ориентацию на капитализм». В документе констатировалось, что причины подобных надежд заключались в следовании «известному буржуазно-капиталистическому тезису», согласно которому «капиталистические государства представляют меньшую опасность для независимости Югославии, чем СССР»⁶.

Приведенная выдержка из резолюции Информбюро 1948 г., в которой говорится об ориентации руководства Югославии на сближение с капиталистическими странами, свидетельствует о том, что в аппарате ЦК к этому времени на основе ряда фактов и наблюдений сложилось именно такое представление о политике руководства КПЮ, что противоречило установкам Кремля на укрепление единого социалистического фронта в борьбе против империализма. Если верить отчету посла Англии в Белграде Ч. Пика, в Москве таким образом могли, в частности, интерпретировать югославско-британские отношения, которые в 1947 г. получили определенное развитие. Летом этого года британское посольство организовало книжную выставку, на ее открытии присутствовал Й. Броз Тито, который устроил по этому случаю прием и, как писал посол, произнес, к удивлению иностранцев, речь на английском языке. В том же году Тито пытался согласовать с британцами вопрос об освобождении югославских военнопленных из английских (британских) лагерей на австрийской территории. Ч. Пик (английский посол) сообщал также и о визите в Белград архиепископа Йорка Сирила Гарбетта (Cyril Garbett), примаса Англии, т. е. второго лица в англиканской церкви. Югославский министр иностранных дел Э. Кардель устроил в его честь официальный прием, а затем он был приглашен и на встречу с Тито, который, как отмечал посол, радушно его встретил. Не исключено, что контакты такого рода и на таком уровне с англичанами действительно могли стать дополнительным фактором, способствовавшим возникновению конфликта 1948 г. Как сообщил Ч. Пику регулярно с ним общавшийся югославский заместитель министра иностранных дел Владимир Велебит, которого Сталин после начала конфликта с Югославией неоднократно называл «английским шпионом», перечисленные эпизоды в югославско-британских отношениях 1947 г. вызвали «сильное недовольство советского правительства»⁷. В этой

⁶ Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 1998. С. 460.

⁷ The National Archives (далее — TNA). Kew. Foreign Office (F.O.). 371/95489.

связи можно предположить, что югославское руководство стремилось еще до конфликта выстраивать свои политические отношения в соответствии с известным процентным соглашением октября 1944 г. между Сталиным и Черчиллем (50 на 50 политического влияния в стране), что в новых условиях вряд ли могло устраивать Кремль.

Вместе с тем отношения Югославии с Западом в первые послевоенные годы нельзя было назвать позитивными. США и союзники резко критиковали процесс свертывания демократических институтов в Югославии, непропорциональное усиление влияния коммунистов в политической и общественной жизни страны. Контакты с Западом во всех сферах заметно сократились, а отношения с США в 1946 г., после того как югославы сбили два нарушивших границу американских самолета, даже обострились. Но, как мы видим, отношения с Великобританией, по крайней мере отчасти, были исключением.

В Москве оценки югославской внутренней политики и внешнеполитических шагов начиная с весны 1948 г. варьировались в рамках нескольких последовательно возникавших и распространявшихся пропагандистских шаблонов. 18 марта 1948 г. в Отделе внешней политики (ОВП) ЦК ВКП(б) появилась справка о КПЮ, отметившая начало нового антиюгославского курса, — «Об антимарксистских установках руководителей компартии Югославии в вопросах внешней и внутренней политики». В справке, состоящей из пяти обвинительных пунктов, говорилось о пренебрежении КПЮ марксистской теорией, переоценке достижений в развитии Югославии по пути к социализму и, главное, об игнорировании Советского Союза как решающей силы «лагеря демократии и социализма». В справке констатировалось, что лидеры югославской компартии не являются марксистами, «допускают серьезные политические ошибки, выражающиеся в недоброжелательном отношении к Советскому Союзу и братским компартиям. Эти ошибки превращают их в подголосков буржуазии в проведении внутренней и внешней политики страны, что таит в себе большие опасности для дальнейшего развития и построения социализма в Югославии»⁸.

Позиция югославского лидера и его ближайшего окружения в отношении СССР и советского руководства формировалась под влиянием различных факторов на протяжении длительного периода начиная со времени работы самого Тито в 1930-е гг. в Коминтерне. В целом она вполне укладывалась в традиционную схему принятого в коммунистических партиях безусловного иерархического подчинения младшего старшему. Мнение ЦК ВКП(б) и лично Сталина о действиях югославских коммунистов выслушивалось и принималось к сведению. Так было перед войной, а затем и в годы войны и первый послевоенный период, вплоть до конфликта 1948 г., от эскалации которого югославский лидер пытался на начальном этапе мак-

⁸ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 787–800.

симально уклониться. Вместе с тем следует отметить, что огромные успехи югославской компартии и Тито по консолидации усилий в борьбе против оккупантов и квислинговских сил, а также противников в гражданской войне создали условия для формирования у югославского руководства специфического морально-психологического комплекса превосходства в рамках движения Сопротивления на Балканах, а также представления об особой роли югославской компартии в системе европейских коммунистических партий: югославы рассматривали свою партию в качестве второй после ВКП(б) и в чем-то не уступавшей ей. Это обстоятельство не могло не оказать влияния и на восприятие и переоценку югославским руководством характера отношений с Москвой, что отчетливо проявилось в 1948 г. как реакция на несправедливые обвинения советской стороны.

Конфликт, возникший в начале 1948 г. после отзыва советских специалистов из Югославии и последующей переписки между советским и югославским руководством, к концу года стал приобретать необратимый характер. Условие, которое Кремль поставил Тито: согласиться со всеми предъявленными обвинениями и приехать с покаянием в Москву, было отвергнуто югославами. Тито, зная, как опасно играть с Кремлем по его правилам, приглашал советскую сторону в Белград для того, чтобы здесь на месте разрешить возникшие разногласия. Но Сталин решил идти дальше в расчете «сломать» Тито и ликвидировать вирус инакомыслия в социалистическом блоке. Была избрана многовекторная тактика в борьбе с югославской схизмой.

На новом витке конфликта советская сторона пыталась критиковать любые действия Югославии на международной арене и перестала поддерживать ее требования на конференциях по мирному урегулированию. Эта позиция советского правительства касалась, в частности, территориальных требований Югославии в отношении Каринтии, а также репараций, которые она рассчитывала получить от Австрии. В Москве заявили, что эти вопросы находятся целиком в компетенции югославского правительства⁹. В одной из советских нот говорилось, что «проблема Словенской Каринтии искусственно нагнетается югославским правительством в угоду наиболее агрессивным империалистическим кругам Англии, США, Франции, заинтересованным в поддержании враждебных Советскому Союзу настроений и военной истерии». В этом случае, как подчеркивалось, югославское правительство выступало «как недруг и противник Советского Союза, как агентура иностранных империалистических кругов». Нота завершалась следующей фразой: «Советские люди и советская общественность относят югославское правительство к разряду злостных дезертиров»¹⁰.

⁹ Советско-югославские отношения. 1945–1956. Новосибирск: Альфа-Порте, 2010. С. 391–392.

¹⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 144. Оп. 9. Д. 1. П. 19. Л. 40–49.

Повстанческое движение в Греции, развернутое коммунистами в 1946 г. при поддержке Москвы, спустя два года, к концу 1948 г., стало терпеть поражения, повстанцы начали оставлять завоеванные ранее территории на севере страны. Позиция югославского руководства по отношению к греческой компартии (КПГ), поддержавшей резолюцию Информбюро, к весне 1949 г. радикально изменилась. Моральная, а главное, материальная и военная поддержка греческой компартии и ее вооруженных формирований была прекращена, что вызвало протесты как КПГ, так и Кремля. В условиях поражения коммунистов в Греции задачей югославского руководства было спасти ту часть греческих партизан, которые относили себя к этническим славянам, эгейских македонцев, разрешив им эмигрировать на югославскую территорию. Эти меры вызвали гневную реакцию Москвы, которая стремилась представить позицию югославов как предательскую, идущую вразрез с целями и задачами политики СССР¹¹.

Следующим этапом в развитии советско-югославского конфликта стал сфабрикованный советскими спецслужбами процесс над венгерским министром Ласло Райком. На прошедшем в сентябре 1949 г. в Венгрии суде он был обвинен в шпионаже в пользу США и «титовской Югославии» и спустя месяц казнен. 29 сентября Москва заявила о прекращении действия Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве с Югославией. Свое решение советская сторона обосновывала тем, что в ходе процесса над Райком «вскрылось, что югославское правительство уже длительное время ведет глубоко враждебную подрывную деятельность против Советского Союза», в том числе не только по собственной инициативе, но и по «прямым заданиям иностранных империалистических кругов»¹².

Тито, озабоченный ситуацией усиливающегося противостояния с Москвой и ее сателлитами, в телеграмме от 25 сентября находящемся в США на сессии ООН Э. Карделю оценивал процесс в Будапеште как неприятельский удар против Югославии и указывал на необходимость принять меры, чтобы дать отпор этому «самому большому обману русских». Он также сообщал, что лично передал венгерскому послу ноту с резким протестом против действий венгерских властей¹³. В августе и сентябре в политбюро ЦК КПЮ обсуждался вопрос о возможном выступлении югославской делегации в ООН с критикой советской политики по отношению к Югославии¹⁴.

После появления 29 ноября 1949 г. третьей резолюции Информбюро, объявившей, что югославская компартия находится «во власти убийц и шпионов», югославское руководство вынуждено было окончательно сделать выбор между дальнейшей ориентацией на СССР и страны «народной

¹¹ Записка первого секретаря советского посольства в Греции А. Зубова. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 37. Д. 10. П. 143. Л. 6.

¹² Советско-югославские отношения... С. 461–462.

¹³ Arhiv Jugoslavije (далее — AJ). F. 507. CK SKJ. IID/23. L. 3.

¹⁴ AJ. F. 507. CK SKJ. III. 43. L. 38.

демократии», которые фактически изгнали Югославию из своего «лагеря», и постепенной нормализацией всего комплекса отношений с западными державами, в первую очередь с США. Сближение с Западом было необходимо, прежде всего, по экономическим причинам, но также и как эвентуальная гарантия от агрессии с востока, что не исключалось Белградом вплоть до марта 1953 г.

25 октября Москва, ссылаясь на материалы процесса по делу Л. Райка, объявила персоной нон грата югославского посла в СССР К. Мразовича¹⁵. В начале октября министр внутренних дел Югославии А. Ранкович писал Э. Карделю в Нью-Йорк о передвижениях войск сателлитов на восточной границе, военном психозе в Болгарии, перебежчиках оттуда, особой активности венгров в заброске шпионов и пропагандистской литературы в Югославию. Еще через несколько дней Ранкович отправил очередную телеграмму Карделю, в которой передавал указание Тито об осторожном лавировании в ООН и рассказывал о развитии ситуации в странах «народной демократии» после процесса по делу Райка. Он сообщал, что в Албании усиливаются слухи о скором присоединении к ней Косова, что Э. Ходжа даже заявляет об этом на митингах. В телеграмме также говорилось о закрытых партсобраниях в Венгрии, Болгарии и Румынии, на которых шла речь о скором «расчете» с Югославией и исправлении границ. Ранкович отмечал, что в стороне стоит Чехословакия, сопротивляющаяся нажиму Москвы¹⁶.

Одним из инструментов борьбы с югославским руководством должен был стать центр югославской политической эмиграции, который планировалось организовать в Москве, объединив на первом этапе «советскую» часть эмиграции. Было принято решение приступить к изданию в СССР эмигрантской газеты, вокруг которой объединилась бы вся югославская политэмиграция. Работа по реализации проекта велась в ЦК и согласовывалась со Сталиным. Строились также планы создания альтернативной компартии и подготовки для нее руководящих кадров¹⁷.

Ситуация начала меняться после смерти Сталина. Со второй половины 1953 г. в СССР снизилась интенсивность антиюгославской пропаганды, а в сентябре — октябре 1954 г. в странах «народной демократии» было прекращено вещание эмигрантских радиостанций и выпуск газет, из продажи изымалась направленная против Югославии литература¹⁸. Координационный центр югославской политической эмиграции в Москве создавался как один из инструментов борьбы советского руководства с «ревизионистским режимом Тито — Ранковича», однако в итоге сталинский проект, несмотря

¹⁵ Советско-югославские отношения... С. 471.

¹⁶ AJ/ F/507. СК SKJ. IID/209. L. 1-2.

¹⁷ См. подробнее: *Аникеев А. С.* Югославская политэмиграция в советских планах свержения Й. Броза Тито (1948–1952 гг.) // *Славяноведение*. 2016. № 5. С. 41–53.

¹⁸ *Митровић М., Селинић С.* Југословенска информбировска емиграција у источно-европским земљама, 1948–1964 // *Токови историје*. 2009. 1–2. S. 45

на значительные усилия Кремля, в том числе финансовые, оказался не осуществленным.

Как уже отмечалось, внутренняя и внешняя политика Югославии в годы конфликта находилась под постоянным наблюдением ЦК ВКП(б), получавшего информацию из разных источников, в первую очередь из дипломатических. От внимания советских дипломатов не ускользали и события, относящиеся к сфере идеологии. Весной 1951 г. советское посольство в Белграде отмечало факт «массированных атак» югославских СМИ на «Краткий курс истории ВКП(б)» и лично на Сталина. Атташе посольства А.А. Ханов, сообщая в своих донесениях о ситуации в Югославии, указывал на «наглое и циничное умаление заслуг товарища И.В. Сталина в области теории марксизма». Рассуждая о внутренней политике Белграда, в частности о решениях правительства в сфере так называемой «деэтизации» экономики, советский дипломат отмечал, что «титовцы не скрывают лозунги и принципы, характерные для буржуазных теоретиков (свободу частной собственности и т.д.)». Справку посольства о торговых отношениях Югославии с западными странами в 1950 г. ее автор начинал с того, что Будапештская резолюция Информбюро 1949 г. правильно определяла положение Югославии как страны, «превращенной кликой Тито в фашистское полицейское государство, потерявшей свою государственную независимость и ставшей добычей англо-американского империализма»¹⁹.

Внешнеполитический отдел ЦК в годы конфликта продолжал постоянный мониторинг политики КПЮ. В апреле 1952 г. В. Григорьян подготовил записку, в которой попытался проанализировать экономические и военно-политические связи «клики Тито» с США и Англией. Он отмечал, что США в обмен на поставки вооружений потребовали от Белграда координации военных планов в регионе и установления тесного сотрудничества, по образцу того, которое существовало в НАТО. Известно, что югославское руководство действительно подвергалось в этот период серьезному давлению со стороны США, но в итоге сумело использовать это обстоятельство в интересах внешней политики Югославии, в частности для решения проблемы Триеста. Кремлевский «эксперт» несколько раз подчеркивал, что экономика, внутренняя и внешняя политика, армия Югославии находятся «под непосредственным контролем американцев и подчинены подготовке к новой войне»²⁰.

В первые месяцы после смерти Сталина оценка югославской внешней политики в МИД практически не изменилась. В докладной записке (с грифом «совершенно секретно») «О положении дел в Югославии и ее внешней политике», направленной 27 мая 1953 г. заведующим IV Европейским отделом МИД М.В. Зимяниным В.М. Молотову, констатировалось, что Юго-

¹⁹ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 35. П. 144. Д. 12. Л. 43.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 149–150.

славия во внешней политике ориентируется прежде всего на США и Англию и использует предоставляемую этими государствами значительную экономическую помощь для развития «своих оборонных возможностей» и, таким образом, «основательно подчиняет всю экономику страны военным целям США»²¹. Автор считал, что заключенные между США и Югославией соглашения имели агрессивную направленность, поскольку в их основе лежал американский «Закон о взаимном обеспечении безопасности». Всё это официально включало Югославию в «американо-английский агрессивный блок» и завершало «окончательное подчинение югославских вооруженных сил контролю американской военщины», отдавая «экономику Югославии в распоряжение США, а югославское правительство на службу политическим целям американского империализма»²². Дальнейшие рассуждения Зимянина содержали идею полной военно-политической зависимости Югославии от США и Великобритании. Дополнительным свидетельством этого явилось, по его мнению, создание «югославо-греко-турецкого блока, оформленного соглашением от 28 февраля 1953 года», вскоре ставшего известным как Балканский пакт. В записке его образование связывалось с политикой «англо-американцев», которые стремились «создать и укрепить агрессивный антисоветский плацдарм на Балканах». Югославская реакция на политику СССР по отношению к Югославии после 1948 г. описывалась как череда злонамеренных действий. Подчеркивалось, что югославское правительство делало всё возможное для ухудшения отношений с СССР «и развило бешеную антисоветскую пропаганду, выставляя СССР в роли империалистической агрессивной страны, пытавшейся, якобы, “проглотить” Югославию»²³. Советский дипломат констатировал, что указанные особенности югославской политики ярко проявились в речах Й. Броза Тито, Э. Карделя, М. Джиласа и М. Пьяде на VI съезде КПЮ в ноябре 1952 г. по вопросам международной политики, а также в выступлениях югославских представителей в ООН. Для политики Югославии по отношению к странам «народной демократии», как считал Зимянин, были характерны «методы провокации и шантажа», попытки создать «в этих странах шпионскую агентуру, использовать контрреволюционные элементы всех мастей для борьбы против народно-демократического строя»²⁴. В этой записке, подготовленной в конце мая, спустя несколько месяцев после смерти Сталина, между тем отмечалось, что, «сохраняя в принципе антисоветский курс, югославское правительство в последние месяцы несколько умерило свой пыл, а выступления руководящих деятелей Югославии, включая Тито, приняли более сдержанный характер». Основной задачей советской политики

²¹ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 37. П. 153. Д. 40. Л. 10–11.

²² Там же. Л. 12.

²³ Там же. Л. 13–15.

²⁴ Там же. Л. 15.

Зимянин считал использование «всех возможностей для проникновения в Югославию правдивой информации об СССР, проведение мероприятий, могущих ослабить американское влияние в Югославии и предотвратить создание антисоветского стратегического плацдарма на Балканах»²⁵.

Внутренняя политика Югославии также была важной темой аналитической работы советской дипломатии. Особое внимание уделялось начавшимся в 1950 г. экономическим реформам, введению на ряде предприятий рабочих советов, частичным изменениям в системе управления. Советские дипломаты, следуя принятым в отношении Югославии стереотипам, сформированным в предыдущий период, продолжали смотреть на происходившие в стране процессы крайне предвзято и исключительно негативно оценивали югославский эксперимент.

Югославское руководство, принимая решение о реформах в экономике, исходило из марксистской теории о необходимости передачи в процессе социалистической революции управления предприятиями рабочим (под лозунгом «фабрики рабочим»), что должно было, по его представлениям, ограничить влияние бюрократии в сфере производства, а затем и в государстве, обозначив начало «деэтизации» в стране. Выбор югославского руководства в пользу этой концепции, сделанный в конце 1949 г., был вызовом советской практике социалистического строительства. Направляемая ЦК КПЮ пропаганда, отстаивавшая позицию, занятую руководством, была последовательна в критике резолюции Информбюро; в этом контексте возникает и мотив деформации социализма в СССР. Вскоре дискуссия о необходимости преимущественного учета национальных особенностей при определении социалистической перспективы страны, начатая в осторожной форме в узком кругу югославского руководства еще до конфликта, стала приобретать всё более отчетливое звучание. В политбюро ЦК КПЮ открыто заговорили о необходимости пересмотра сталинской концепции строительства социализма и поиске собственных подходов. Введение рабочих советов происходило в самый острый период конфликта, в 1950–1951 гг., когда югославское руководство искало любую возможность, отвергая предъявляемые обвинения, противопоставить советскому опыту, трактуемому как сталинский бюрократический социализм, свою теоретическую и практическую альтернативу²⁶. Главные теоретики этой реформы экономист Б. Кидрич и партийный деятель Э. Кардель ссылались при ее разработке на положение К. Маркса о передаче капиталистических фабрик и заводов в руки производителей при переходе к новой общественной формации²⁷.

²⁵ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 37. П. 153. Д. 40. Л. 16.

²⁶ *Kardelj Ed. Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije. 1944–1957. Sečanja. Ljubljana; Beograd: Radnička stampa, 1980. S. 133.*

²⁷ *Modić L. Skica za studiju o revolucionarnoj borbi Borisa Kidriča // Kidrič B. Sabrana dela. Beograd: Kommunist, 1985. T. 1. S. 64; Кузнецовский В.Д. Эволюция югославской концепции социализма. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1990. С. 17–25.*

Тито поддерживал и направлял идеи реформаторов. К 1951 г. эти идеи получили практическое воплощение: на ряде югославских предприятий были организованы рабочие советы, на первом этапе с совещательными функциями. Тито в своем выступлении на VI съезде КПЮ (СКЮ) в ноябре 1952 г., говоря о соображениях руководства в вопросе о реформах, подчеркивал, что учреждение советов не только не было преждевременным, как считали некоторые, но даже запоздало, поскольку до принятия «чудовищной резолюции» (резолюции Информбюро от 28 июня 1948 г. — А. А.) югославская компартия питала иллюзии относительно советского опыта, некритично воспринимала всё происходящее в Советском Союзе. Объясняя свое высказывание, он заявлял, что теперь, когда нет больше внешних авторитетов, кроме верного учения Маркса, Энгельса и Ленина, югославское руководство, исходя из собственных интересов, опыта и специфических условий страны, сможет пойти дальше своим путем. Тито отмечал, что использование заимствованных шаблонов нанесло стране много вреда, что последствия этого она и до настоящего времени с трудом преодолевает²⁸.

В октябре 1953 г. в Москву из посольства в Белграде была направлена обширная справка с анализом предпринятых в стране реформ в сфере управления экономикой, реорганизации местных органов власти и вводимых на предприятиях рабочих советов. Трактровка вторым секретарем советского посольства в Белграде А.А. Хановым югославских реформ была предельно тенденциозной, полной необъективных и характерных для советской пропаганды оскорбительных высказываний в адрес югославского руководства, решившего представить введение «рабочих советов» (в записке они упоминаются только в кавычках) как «новое достижение в области теории и дальнейшее развитие марксизма». По мнению дипломата, в действительности это было «одним из звеньев в цепи мероприятий, направленных на полную реставрацию капиталистических отношений в стране»²⁹. Этот пассаж в записке был подчеркнут красным карандашом, очевидно, заведующим Балканским отделом МИД, а возможно, и самим В.М. Молотовым, питавшим особую «симпатию» к Й. Брозю Тито. Последующий анализ рабочих советов автор документа дает, исходя из кремлевских представлений о политике югославского руководства как заведомо антинародной. Он пишет о демагогии «титовцев», пытающихся отравить сознание рабочих, рисуя перед ними «ложную перспективу возможности улучшения жизненных условий в рамках существующих в стране капиталистических отношений». Предусмотренную принятым 2 июля 1950 г. Законом об управлении государственными хозяйственными предприятиями частичную передачу прав управления рабочим Ханов называет фикцией, рассчитанной на обман рабочих³⁰.

²⁸ *Tito J.B. Borba za socijalističku demokratiju*. Zagreb: Kultura, 1953. S. 9–11.

²⁹ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 37. П. 153. Д. 40. Л. 72.

³⁰ Там же. Л. 75.

Проводимую в стране в тот период реорганизацию местных органов власти, создание общинных комитетов (одборов) и особой палаты — «веча производителей» — автор описывал как пропагандистскую кампанию титовцев, стремящихся представить эти мероприятия как «вклад в марксизм и как опровержение советской практики». Он отмечал, что именно то, что «нещадно бичевал В.И. Ленин в Рабочей оппозиции Шляпникова как синдикалистский уклон, титовцы восхваляют с особой настойчивостью»³¹. Далее Ханов указывал, что деятельность органов «рабочего самоуправления» проходит в условиях «пресловутой новой экономической системы, т. е. в условиях господства капиталистических форм хозяйствования и в условиях режима фашистского типа». «Провозгласив “свободу инициативы, свободу конкуренции и другие буржуазные свободы”, клика Тито узаконила капиталистическую анархию в хозяйственной жизни страны», — заявлял дипломат³². По его мнению, рабочие советы в существующей на тот момент форме «оказывают самое разлагающее влияние на рабочих, прививая им и культивируя в их среде буржуазные и частнособственнические чувства и интересь». Завершая свой анализ, Ханов отмечал, что «более чем 3-х летнее существование рабочих советов показало, что они не имеют ничего общего с интересами трудящихся». Он подчеркивал, что «они были созданы как один из инструментов наступления на жизненный уровень рабочих», в то время как «власть директора увеличилась и стала непререкаемой, а в его руки попали мощные средства воздействия, такие как угроза увольнения, определение размеров дополнительных выплат и т.п.»³³. Автор документа приходит к выводу, что «рабочие советы являются той социалистической ширмой, за которой титовцы закрепляют реставрацию капиталистических отношений в стране», а их, по его словам, «откровенно антирабочий характер убеждает рабочий класс Югославии в лживости титовской пропаганды о якобы социалистическом рабочем характере этих советов»³⁴.

Разработка югославским руководством особой внешнеполитической линии являлась частью так называемой «новой модели» социализма в Югославии наряду с концепцией рабочего самоуправления. Импульс к началу разработки политики, позднее получившей название «неприсоединения», был дан в конце 1949 — начале 1950 г., что, с одной стороны, было связано с возникновением угрозы агрессии против Югославии, а с другой — с попытками югославского руководства избежать нарастающего давления США и их союзников с целью включения страны в западный блок. Тито и

³¹ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 37. П. 153. Д. 40. Л. 76. «Рабочая оппозиция» — группа, организовавшаяся в РКП(б) в конце 1919 — начале 1920 гг. и выступавшая за передачу управления народным хозяйством профессиональным союзам. Во главе группы стояли А.Г. Шляпников, С.П. Медведев, А.М. Коллонтай, Ю.Х. Лутовинов.

³² Там же. Л. 77.

³³ Там же. Л. 81.

³⁴ Там же. Л. 82–83.

его соратники на первых порах выбирают тактику опоры на ООН, в которой, как им казалось, они могли рассчитывать на широкую международную поддержку в своей борьбе с агрессивными замыслами восточных соседей. В годы конфликта с Москвой по политическим и экономическим причинам произошло сближение Югославии с Западом, прежде всего с США, которые рассчитывали в условиях холодной войны получить еще одного союзника в Восточном Средиземноморье, объединив в один блок Грецию, Турцию и Югославию. Созданный в 1953–1954 гг. Балканский пакт рассматривался американцами как промежуточный для Югославии этап, за которым должно было последовать ее присоединение к НАТО. Югославское руководство, строго придерживаясь выбранной идеологической доктрины, вынуждено было в этих условиях маневрировать и сумело использовать участие в пакте для частичного решения триестской проблемы в свою пользу. В такой обстановке постепенно происходило оформление будущей югославской внешнеполитической концепции внеблоковой политики, состоявшей, по существу, в уходе от давления и расчетов обоих блоков и использовании их намерений в собственных политических и экономических интересах. Контакты со странами, освобождавшимися от колониальной зависимости, такими как Индия, Индонезия, Бирма, Эфиопия и другими, позволили Белграду начать поиск альтернативного курса внешней политики, отвечавшего его идеологическим предпочтениям. В годы правления Тито политика «неприсоединения» подняла престиж Югославии на высоту, во многом превышавшую ее европейский масштаб. Благодаря усилиям Тито она стала для страны окном в мировую политику, а также позволила ему реализовать личные амбиции, которых он никогда не был лишен.

Восприятие советским руководством внутренней и внешней политики Югославии в годы конфликта определялось, в первую очередь, лежащими на поверхности идеологическими мотивами. Обвинения в национализме, отходе от марксистской теории, ее ревизии, сближении с Западом составляли инструментальную базу советской политики давления на Белград, а также маскировали ряд существенных моментов, а именно серьезные опасения, что югославский пример станет притягательным для руководства других компартий, а это, в свою очередь, сорвет исполнение главной задачи Кремля по консолидации стран «народной демократии» вокруг СССР и приведет к ослаблению и, возможно, к развалу советского блока. Для Сталина в тот период проблема противостояния враждебному «империалистическому Западу» была основной. С точки зрения угрозы единству социалистического лагеря, которую представляла Югославия, рассматривался весь комплекс ее внутренней и внешней политики.

Литература

- Аникеев А.С.* Югославская политэмиграция в советских планах свержения Й. Броза Тито (1948–1952 гг.) // Славяноведение. 2016. № 5. С. 41–53.
- Кузнецhevский В.Д.* Эволюция югославской концепции социализма. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1990.
- Митровић М., Селинић С.* Југословенска информбирова емиграција у источно-европским земљама, 1948–1964 // Токови историје. 2009. № 1–2. С. 31–54.
- Dimić L., Životić A.* Napukli monolit. Jugoslavija i svet, 1942–1948. Beograd: Arhipelag, 2012.
- Milkić M.* Tršćanska kriza u vojno-političkim odnosima Jugoslavije sa velikim silama 1943–1947. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2012.
- Modić L.* Skica za studiju o revolucionarnoj borbi Borisa Kidriča // *Kidrič B.* Sabrana dela. Beograd: Kommunist, 1985. T. 1. S. 5–87.

References

- Anikeev, A.S., 2016. Iugoslavskaiia politemigratsiia v sovetskikh planakh sverzheniia I. Broza Tito (1948–1952 gg.) [Yugoslav political emigration in the Soviet plans to overthrow Josip Broz Tito (1948–1952)]. *Slavianovedenie*, 5, pp. 41–53.
- Dimić, L., Životić, A., 2012. *Napukli monolit. Jugoslavija i svet, 1942–1948*. Belgrade: Arhipelag.
- Kuznechevskii, V.D., 1990. *Evoliutsiia iugoslavskoi kontseptsii sotsializma* [Evolution of the Yugoslavian concept of socialism]. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN.
- Milkić, M., 2012. *Tršćanska kriza u vojno-političkim odnosima Jugoslavije sa velikim silama 1943–1947*. Belgrade: Institut za noviju istoriju Srbije.
- Mitrović, M., Selinić, S., 2009. Jugoslovenska informbirovska emigracija u istočno-evropskim zemljama, 1948–1964. *Tokovi istorije*, 1–2, pp. 31–54.
- Modić, L., 1985. Skica za studiju o revolucionarnoj borbi Borisa Kidriča. In: Kidrič, B., 1985. *Sabrana dela*. Belgrade: Kommunist, vol. 1., pp. 5–87.